

Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды,
LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной зачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились,
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый. Краснѣющей закатъ
Изъ-за горы кидаль свой лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальній.
LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ
Плавновъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хогъ суровъ
Казался вѣтеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.
LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его не молодыя лѣты?...
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хотъ правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.
LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной—
Оставитъ въ мѣрѣ слѣдъ и, наконецъ,
Исчезнутъ! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій,—такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но, исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.
LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
Я прежде много плакать, и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка намъ стенами;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и буръ тѣхъ,

Одинъ лишь отзывъ-звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежать кремни—и блещуть, но не живы!
LXIV.

Прилично было бѣ мнѣ молчать о томъ;
Но я привыкъ идти противъ приличій
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ.—Поэтъ природы птичьей,
Любovníкъ розъ, надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
Прошу хотъ разъ спросить у соловья.
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣсню... Такъ и я
Пишу, что мыслю, что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно летитъ.
LXV.

Два года миновало. Третій годъ
Обрадовать супруговъ безнадежныхъ.
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и пѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
Все на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролетъ,
И, что страшнѣе этого, ребѣнокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.
LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
Боторый много счастья обѣщаетъ.
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это, вышло?—Небо знаетъ!
Къ тому же полуночный вой собакъ
И странный шумъ на чердакѣ высокомъ—
Примѣты злыя; но, не бывъ пророкомъ,
Я только покачая головой.
Гамлетъ сказалъ: „Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ“,—какъ же мнѣ, поэту,
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?..
LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручки
И русый волосъ, выходящій колыкомъ—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнились на немъ;
И, первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая..
Года неслись, а Саша росъ, и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влечению,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.
LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто
А, слава Богу, вышелъ человекъ: [сбѣченъ,
Ни стыдъ семьи, ни тупъ, ни изувѣченъ,
Понятія были низки въ старшій вѣкъъ.
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы—